

Если бы правительство Москвы теряло право собственности на все памятники, которые снесло и построило заново, не было бы проблем с сохранением наследия

культурная политика | ГРИГОРИЙ РЕВЗИН

Вчера президиум Мосгорсуда под председательством судьи Ольги Егоровой рассмотрел надзорную жалобу по имущественным правам на дом Константина Мельникова и вынес решение прекратить производство по данному делу. Половина дома окончательно перешла в собственность государства, следовательно, опасения о судьбе дома пока что оказались беспочвенными.

Напомню, что собственный дом архитектора Мельникова в Кривоарбатском переулке — это шедевр русского авангарда и единственный памятник архитектуры, который в течение всего советского времени и по настоящий день находился в частной собственности. Половина дома принадлежала сыну архитектора, Виктору Мельникову (вчера он предстал не только перед Мосгорсудом, но и иным — исполнилось сорок дней со дня его смерти), половина — Алексею Илькинаеву, внуку великого архитектора. По завещанию Виктора Мельникова его часть дома должна была перейти в собственность Российской Федерации. 11 марта „Б“ получил документы, из которых

следовало, что господин Илькинаев продал свою долю в доме сенатору Сергею Гордееву (см. „Б“ от 12 марта).

Одновременно стало известно, что в президиуме Мосгорсуда в порядке надзорной жалобы рассматривается дело, суть которого сводится к признанию недействительным завещания Виктора Мельникова. За три года до смерти его дочь Елена Викторовна Мельникова получила от него дарственную на дом, которую он называл подложной, но которая, по ее утверждениям, была настоящей. Если бы вчера суд принял решение в ее пользу, не государство, а Елена Викторовна стала бы собственником половины дома, которую она, по словам ее старшей сестры Екатерины Викторовны, также собиралась продать сенатору Гордееву. Процесс по делу должна была вести председатель Мосгорсуда судья Ольга Егорова, которая после «дела ЮКОСа» приобрела широкую известность.

Несмотря на заверения директора Музея архитектуры Давида Саркисяна, что сенатор Гордеев преследует лишь одну цель — создание музея дома Мельникова, все это

походило на операцию по захвату памятника — и возможно, с целью его уничтожения. Дом Мельникова — это не только частный дом площадью 257 кв. м, но еще и восемь соток земли в Кривоарбатском переулке. Если бы сенатор Гордеев выкупил обе половины дома, он стал бы обладателем имущества, которое потенциально стоит десятки миллионов долларов. Причем в случае, если бы памятник погиб, собственник отвечал бы только по закону об охране памятников, то есть выплатил бы штраф порядка десятка тысяч долларов, после чего делал бы с землей все, что хотел.

Однако вопреки всем ожиданиям процесс начался с того, что Елена Викторовна Мельникова попросила слова для заявления, которое зачитал ее адвокат. В нем она сказала, что, хотя ей очень горько, что отец обвинил ее в подлоге дарственной, которого никогда не было, она просит прекратить процесс. Она, так же как и ее отец, всегда хотела, чтобы в доме был музей ее великого деда, Константина Мельникова, и, так же как он, хочет передать свою половину дома государству для устройства музея. Она просит суд не принимать ре-

шение в ее пользу, ведь результат останется тем же: половина дома отойдет государству для музея. Так что вопрос только в несправедливом обвинении, которое оставил ей умерший отец, но это не в компетенции суда земного. Сегодня, в день сороковин по нему, она не хочет тревожить этим его память.

Судья Ольга Егорова, которая на протяжении своей карьеры по случайному стечению обстоятельств в течение 20 лет разбирала все судебные тяжбы между потомками архитектора Константина Мельникова, была по-человечески обрадована таким исходом дела. Она заявила, что тоже всегда желала видеть в доме Мельникова музей, призвала сестер Мельниковых (старшая дочь, Екатерина Викторовна, будучи душеприказчицей покойного, по сути, выступала в качестве ответчика по делу) к примирению и вынесла решение о прекращении дела.

Подходя к делу предельно сухо, следует сказать, что если бы сенатор Гордеев занимался домом Мельникова как перспективной недвижимостью, он был бы крайне незаинтересован в таком развитии дела. Теперь у дома два собственника — он и го-су-

дарство. Это как раз и является гарантией, что с домом ничего не случится. По крайней мере, мне кажется, что до сих пор именно сложность вопросов собственности на дом и сохраняла его от уничтожения.

Хотелось бы, однако, обратить внимание на то, что это пока единственная гарантия. Теперь в принципе ничто не мешает начать создавать в доме музей, и когда музей появится, появится и вторая гарантия — музей у нас, в отличие от памятников архитектуры, еще не сносили. Но мне кажется странным, что единственное, на что тут можно положиться, это добрые намерения конкретных людей. Во-первых, люди бывают разные, во-вторых, увы, люди часто попадают в неприятные ситуации. Вдруг бы, например, оказалось, что сенатор Гордеев вынужден продать свою собственность? Или его наследники решили по-другому распорядиться арбатской недвижимостью. Всякое бывает на свете, вот и семья Мельниковых провела долгие годы в спорах о судьбе принадлежавшего ей памятника.

Как-то у нас странно все происходит с правами собственности на памятники. Мы

очень подробно разбираем, какими изменениями нагрузить собственника, когда происходит приватизация памятника — то есть когда он переходит к человеку из рук государства. Но вот ситуация частной покупки: частное лицо купило памятник у частного лица. В этом случае, оказывается, можно делать что угодно, а ведь, по мере приватизации памятников, таких случаев будет все больше.

В Италии, скажем, при покупке памятника архитектуры в сделке участвуют три стороны — продавец, покупатель и государство. И в самом договоре купли-продажи указывается, что если с памятником что-то случается, то собственник платит не условный штраф, а теряет право собственности. И это прекрасно действует. Я даже думаю, что это действует не только в случае частных лиц — если бы московское правительство теряло право собственности на все памятники, которые оно снесло и построило заново, я думаю, у нас не было бы проблем с сохранением наследия и не приходилось бы полагаться только на человеческую порядочность сенатора.

Чудо в доме Мельникова

Коммерсантъ - 2006 - 17 марта - с. 21.

127

Мельников не Кривоарбатский